

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ ПОЛЕВАЯ РАБОТА И КАКОВА ЕЕ РОЛЬ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ (на примере коми языка)

А. И. Кузнецова

(Московский государственный университет)

Коми язык имеет давнюю историю своего существования, достаточно полно и хорошо описанную во многих лингвистических работах, в том числе и последних лет. Тем не менее, интерес к изучению языка, его диалектов и говоров не уменьшается. Изучение диалектов начинается обычно со сбора материалов в полевых условиях. Работа такого рода требует предварительного знакомства с разнообразными методами сбора материалов и появляющейся постепенно интуиции исследователя. Существенной составляющей полевой работы надо считать и знакомство с лингвистической литературой, в которой могут быть описаны черты, специфические (в данном случае) для финно-угорских языков, но отсутствующие, напр., в русском языке.

Под методикой обычно понимается совокупность приемов, методов целесообразного проведения какой-либо работы. Интуиция (от лат. *intueri* 'пристально, внимательно смотреть', *intuitio* 'созерцание') предполагает, напротив, постижение истины на основе предшествующего опыта, полагаясь на собственное чутье и проницательность, без приложения особых усилий. В каждой области науки вырабатываются свои методы исследования, как напр., в психологии речь может идти о методах проб и ошибок; о методе семантического дифференциала, о методах исследования личности и др.

Есть свои методы и у лингвистов, занимающихся, в частности, полевой работой, для проведения которой составляются специальные анкеты в зависимости от направленности планируемого исследования. При этом независимо от конкретной (нередко узкой) темы, интересующей лингвиста «полевики», он должен учитывать сведения и со-

циолингвистические, касающиеся информанта и характеризующие ситуацию в селе в целом, а также познакомиться с научной литературой, имеющей отношение к выбранной теме, что в равной мере полезно делать и до, и после возвращения из экспедиции. Обычно уже со студенческой скамьи студенты «полевики» знакомятся с программой, по которой собирают материалы для анализа лексики изучаемого говора. В данном случае речь пойдет о говоре коми села Мужы Шурышкарского района ЯНАО.

Одним из основных направлений в работе экспедиции было описание грамматики говора, в частности, установление особенностей глагольной парадигмы, что рано или поздно обнаруживается при анализе и глоссировании собранного материала. В настоящее время можно назвать, по крайней мере, два общераспространенных метода, используемые лингвистами. Во-первых, стандартизация фраз, предлагаемых лингвистом для перевода с языка лингвиста на родной язык информанта, вплоть до использования кочующих из одной работы в другую имен. В русском языке это Вася, Петя, Маша, в английском — Джон, Джек, Мэри, Джейн; в тюркских Зухра, Амаль, в кавказских языках Ахмет и т. д. Правда, в последнее время наметился перелом в этой традиции: Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, В. Круглякова и др. предложили предъявлять информантам не готовые фразы для перевода, а описание ситуаций с использованием глагола, употребляемого в подобном случае носителем языка. Эта методика надежнее, но она применима далеко не ко всем ситуациям.

Во-вторых, при типологическом анализе сравнивается нередко огромное количество языков (иногда много сотен), описанных лингвистами разных научных школ, использующих разную терминологию. В результате сплошь и рядом лингвист сталкивается с ошибочными толкованиями отдельных категорий в языках, которыми он сам занимался, а человек, давший ошибочную глоссировку, списал ее с другой работы, поверив материалам, или домислил сам. Количество ошибок растет, как снежный ком.

То явление, о котором пойдет речь в дальнейшем, характерно для финно-угорских языков, но далеко не сразу и не всем исследователям оно бросается в глаза и одинаково ими интерпретируется. Оно может представлять собой либо остатки древних форм, либо зарождение новых, либо таить в себе иную трактовку.

К числу таких фактов относится употребление инфинитива с элементами *сэ* или *тэ*, называемыми нередко аккузативными и следующими за показателями инфинитива *-ны* /-ыны. Обычно показатели *-сэ* или *-тэ* встречаются в именах: 1) в посессивных суффиксах 2 л. *-тэ* и 3 л. *-сэ* Асс.Сол РІ (коллективного множественного), а также 2) в формах личных местоимений 1 и 2 л. Асс.РІ. Однако в коми языке (как и других финно-угорских языках) для инфинитива характерны также формы, указывающие на лицо и число субъекта. В результате инфинитив присоединяет к себе суффиксы, называемые в ряде работ определенно-указательными, лично-принадлежностными [Жилина 1975: 116—117; Жилина 1998: 115—117; Понарядов 2000: 52—57; Цыпанов 2005: 20; Суббота 2008]. В ССКЗД [1961: 483—484]; они трактуются как «определенно-притяжательные формы инфинитива», имеющие в верхнесыольском, вычегодском и ижемском диалектах лишь определенные формы (в ижемском *-нытэ* и *-нысэ*; в мужевском говоре это чаще *-нытэ* и *-нысэ*). Данные формы в предложении следует рассматривать не как особые словообразовательные элементы глагола, а как служебные части речи, что совпадает, в частности, с выводами Д. В. Бубриха [1948: 55—56].

«Определенность» в этих формах — особого типа. Информанты подчеркивали и выделяли в предложении подобные глаголы, прибавляя к ним *-тэ* и/или *-сэ*, функционирующие в этом случае как выделительные частицы: *Ачум кэмасьны-сэ ог вермы* ‘Сама я обучаться-то не могу’; *Сыя этнас ооны-сэ вермас ли?* ‘Сама одна (она) жить-то сможет ли?’ *Ниным карны-тэ да пустэ печаличчан!* ‘Нечего делать-то тебе да зря (ты) печалишься!’

Помимо выделительных встречаются частицы со значением неопределенности, выражаемой двояко. Иногда в пределах одного предложения используется и частица, прибавляемая к глаголу в форме инфинитива, и самостоятельные частицы *ли*, *али*. Существенной является также интонация, напр.: *Верман карны-тэ сіје?* ‘Сможешь сделать-то это?’ *Чэскыд шыд вермам пуны-сэ?* ‘Вкусный суп смогу (ли) сделать-то?’ *Теныд мунны-тэ ыллэ ли колэ?* ‘Тебе идти-то далеко ли надо?’ *Ылын али мунны-сэ менум?* ‘Далеко ли идти-то мне?’ *Небны-сэ нинэм он вермы* ‘Купить-то ничего можешь’.

Некоторые информанты считали равно эквивалентными фразы: *Нимэн карны-сэ* и *Нимэн сэ карны* ‘Нечего делать!’

К инфинитиву или вспомогательному глаголу может присоединяться суффикс *койд* (*кодь*), также придавая действию, выраженному глаголом, неопределенность.

Описанная ситуация в коми языке демонстрирует переход указательных форм в «противопоставительные», как называл эту фазу Д. В. Бубрих, отмечая их своеобразное развитие: «Когда указательные формы используются для противопоставления, указательные суффиксы приобретают вид — *-тө*, *-сө*, совершенно независимо от того, какого падежа и т. д. касается дело. Эти *-тө* и *-сө* представляют собою обобщение того вида указательных суффиксов, который в других случаях представлен в винительном падеже. Бесспорно, их отбору содействовало воздействие русской частицы *-то*. Они сами, выступая всегда в одном и том же виде и притом в конце слова, очень похожи на частицы». Приводимые мною примеры из говора с. Мужы подтверждают данное высказывание [Бубрих, 1949: 55].

Литература

- Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. — Ленинград, 1949, 206с.
- Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. — Москва, 1975, 268с.
- Жилина Т. И. Вымский диалект коми языка. — Сыктывкар, 1998, 439 с.
- Понарядов В. В. Коми аффиксы *-тө*, *-сө* в неаккузативном употреблении // Коми слово в грамматике и словаре. Труды ИЯЛИ, вып. 62, — Сыктывкар, 2000, с. 52—57.
- Цыпанов Е. А. Грамматические категории глагола в коми языке. — Сыктывкар, 2005. 284с.
- ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Под общей редакцией В. А. Сорвачевой — Сыктывкар, 1961, 492 с.
- Суббота К. А. Употребление инфинитива в казымском говоре ижемского диалекта коми языка // Электронный научный журнал «Исследовано в России». 626 http://zhurnal.ape_relam.ru/articles/2008/055.pdf.